

Коррупция

1981, источник: [здесь](#). Самое же полное издание этого необычного труда осуществлено Институтом социальных исследований в Амстердаме (т. VII, 1981). В числе многочисленных приложений, фрагментов, вариантов к основному тексту книги находится и небольшой эскиз "Коррупция. - О Макиавелли. - Развитие государственности", который мы и предлагаем читателю.

Я уже говорил, что бонапартизм не является, по сути, ни принципом, ни политическим течением, не вызван каким-либо органическим или историческим интересом в экономическом и политическом развитии страны. Просто-напросто, добавляя я, банда разбойников, воспользовавшись глубокими разногласиями между классами французского общества, ночной порой внезапно и дерзко овладела Францией и, захватив власть, удерживала ее двадцать лет. Опорой ее послужили три огромных порока Франции, или три великих ее несчастья: неизлечимая отныне трусость ее буржуазии, неорганизованность рабочих масс и невежество крестьян. Ее поддерживали три в равной степени отвратительных обстоятельства, которые за эти двадцать лет весьма способствовали гибели Франции: бюрократическая организация, которая в конце концов убила всякое стихийное национальное движение, дезорганизовала все живые силы Франции; жестокая и тупая военная дисциплина, насаждаемая в преторианской армии, опустившейся до состояния огромной наемной гвардии, специально обученными офицерами. Такая дисциплина делает солдата орудием в руках неспособных и глубоко порочных офицеров. И наконец, бич католической церкви, представленной огромным количеством «черных людей» с главой в Риме, которые, считая эту несчастную Францию благородной добычей, могущей ускользнуть от них в любой момент, насаждают а ней наряду с грубыми суевериями все разногласия и политические взгляды, способные держать сельское население в вечном рабстве.

Таковы, несомненно, условия и причины существующего положения, которое может признавать и уважать не искренний человек, но лишь политик, желающий в свою очередь воспользоваться им, чтобы прийти к власти и удержать ее. Что касается результатов, к которым может привести подобная политика, мы их видим: это современное состояние Франции.

Мы рассмотрели основы бонапартизма, обратимся теперь к его средствам. У него есть лишь одно средство, но очень сильное: коррупция, которая, впрочем, изобретена не бонапартизмом, но получена им как историческое наследие единственное, которым бонапартизм сумел воспользоваться и продуктом которого стал сам.

Условимся теперь о значении слова «коррупция»[1]*. Оставляя в стороне все вопросы, связанные с частной моралью (которая, впрочем, неотделима от коллективной), я понимаю под этим словом полное безразличие индивида к общественной пользе и солидарности

исключительно во имя личной выгоды. Какой-либо класс или ограниченная общность людей - церковь, религиозный орден, аристократия, буржуазия, бюрократия, армия, полиция и даже банды разбойников - могут быть глубоко аморальны, т. е. противопоставлены всему человечеству по своим основам, условиям своего исключительного и привилегированного существования, по целям, которые они преследуют; но при этом они еще не коррумпированы,- до тех пор, пока не распадутся под нажимом частных интересов их членов. Правда, чем больше интересы класса противостоят общественным интересам, тем более облегчается коррупция его членов, что обусловлено аморальностью принципа, лежащего в основе его существования; если только эта безнравственность не прикрывается в их глазах каким-либо вымышленным идеалом, например, патриотическим или религиозным. Именно это и произошло с церковью и аристократией, и потому они были так могущественны в прошлом и так упорно цепляются за жизнь еще и сегодня, когда все общественные условия этому противоречат. Это также объясняет, почему буржуазия, едва придя к власти, начинает обнаруживать бесспорные признаки разложения и упадка. По природе своих повседневных занятий слишком реалистичная, чтобы искать опоры в великих идеалах патриотизма и религии, она вынуждена довольствоваться весьма сомнительными в спорными идеалами метафизики и юридического права, и ей никогда не удастся скрыть, даже от самой себя, свою низкую сущность. В этом отношении игроки на бирже, крупные промышленные, торговые и банковские компании, финансовые в политические спекулянты, контрабандисты, грабители - группы, легче всего поддающиеся коррупции, ибо они - еще большие реалисты, чем основная масса буржуазии. Они цинично срывают всякую маску, отбрасывают всякую видимость идеала и открыто проявляют свою истинную сущность эксплуататоров богатства и труда нации. Члены этих различных сообществ объединяются уже не во имя какого-то принципа, истинного или ложного; они связаны друг с другом лишь личной выгодой. Такова истинная коррупция. Добавим, что среди этих групп откровенных эксплуататоров шайки контрабандистов, разбойников и воров являют сравнительно высокий уровень морали. Во-первых, они большей частью бедны и борются за жизнь; это, по крайней мере, законно. Кроме того, они не пользуются уважением и защитой общества, как привилегированные и богатые спекулянты, воры и разбойники на государственной службе, в банках, промышленности и торговле. Их изгоняет и преследует, как диких зверей, то самое общество, которое не сумело дать им ни воспитания, ни образования, ни средств к существованию, но зато наделяет их всеми привилегиями уголовного кодекса. Они ведут постоянную войну с обществом, которое всегда было для них лишь мачехой, и подвергаются в этой борьбе жестоким опасностям, вынуждающим их теснее объединяться между собой, что вовсе не нужно официальным эксплуататорам, признанным и обласканным высшим обществом. Внутри таких вынужденных союзов чаще всего формируется нечто вроде коллективной морали, иногда возвышающейся до общего воодушевления, которое становится источником поистине героических поступков и самоотверженности.

Разумеется, слово «коррупция» неприменимо к классам, какими бы аморальными ни были их принципы, по крайней мере до тех пор, пока эти классы объединены во имя какого-либо идеала; оно также не относится к бандам преступников, пока их связывают узы солидарности, способные воодушевить их на героические и самоотверженные поступки. Оно применимо лишь к индивидам, предающим интересы какого-либо коллектива, но не во имя более высоких и справедливых интересов, что было бы, напротив, признаком относительной моральности, а исключительно ради личной выгоды. Итак, до тех пор, пока индивид

сохраняет верность и страстную преданность общим и более или менее идеализированным интересам какого-либо коллектива, как бы ни были аморальны поступки, которые он совершает ради этого сообщества иди совместно с ним, нельзя сказать, что он коррумпирован.

Таким образом, грабитель или вор представляет в высшей степени безнравственные коллективные интересы, несомненно, преступные а пагубные для общества в целом но до тех пор, пока он предан своей банде и готов пожертвовать собой во имя ее спасения, его нельзя назвать коррумпированным. Есть ли что более отвратительное и порочное, грубое и бесчеловечное, более противоречащее всему тому, что получило в XIX веке название цивилизации и морали, чем поведение всех этих генералов и офицеров германской армии? Сии достойные представители раболепного и в то же время спесивого дворянства предаются сегодня во Франции, с пылом, выдающим их истинную сущность, обычно запретным, но сейчас дозволенным и даже похвальным утехам - они грабят, убивают и совершают самые разнообразные жестокости под знаменами нового императора Германии, для которого они, по энергичному выражению Берна, являются не столько подданными, сколько лакеями. Так вот, сколь бы гнусны и отвратительны ни были их деяния, - совершая их, эти люди верили, что выполняют долг немецких патриотов и верных подданных своего властелина: если они верят, что служат таким образом чести национального знамени или интересам и славе дворянского сословия, к которому по большей части принадлежат, то можно сказать, что они жестокие, хоть и цивилизованные дикари, злейшие и опаснейшие враги всего, что есть человеческого в человечестве, но нельзя назвать их коррумпированными. Этого нельзя сказать даже о шпионах, которыми граф Бисмарк заполнил, кажется, всю Францию,- ведь многие из них занимаются своим гнусным ремеслом из чистого патриотизма.

Иезуит, совершающий, не ради личного интереса, но Во славу церкви и Господа и во имя обогащения своего ордена, те ужасные преступления, которые покойный Эжен Сю взвалил на голову бедного отца Родена, - этот иезуит, несомненно, гнусен, но не коррумпирован. Буржуа, который не из трусости или корысти, но лишь ради спасения своего класса от социальной революции предает Францию пруссакам,- заслуживает каких угодно определений, но он не коррумпирован. Когда молодой радикальный буржуа, к примеру, г. Андрие, прокурор Республики в Лиане, забыв о своих шалостях вольнодумца и социал-демократа, одной рукой ласкает бонапартистов, а другой свирепо карает представителей народа, о нем можно лишь сказать, что он вновь обрел моральные принципы своего класса. Но, напротив, когда мы видим, как рабочий, к примеру, г. Бриалу, выбранный в муниципальный совет Лиана своими товарищами, пренебрег ими, обманул их, пожертвовал интересами народа и Франции во имя интересов буржуазии, - о, тогда мы назовем это предательством и коррупцией, если только поступки его не вызваны тщеславием и глупостью.

Коррупция, как я уже сказал, вовсе не изобретение бонапартизма; она возникла с появлением первого в истории политического государства, но именно в наши дни стала политическим институтом государства. Впрочем, никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления; ни одно государство не могло в достаточной степени укрепиться благодаря урегулированию

интересов классов, представителем и естественным защитником которых оно являлось, - достаточно, чтобы не бояться ни внешних, ни внутренних врагов. И если этих врагов нельзя было ни удовлетворить, допустив в состав привилегированного класса, ни уничтожить, ни парализовать, ни запугать своим могуществом, государство вынуждено было пытаться их подкупить. Но число коррумпированных было бесконечно меньше в прошлом, чем в наши дни: меньше до революции, гораздо меньше в средневековье и совсем ничтожно в древности.

В древности государство и религиозный культ составляли единое целое, так что само государство, принимавшее обличье богов, и являлось постоянным и реальным предметом религиозного культа. Предательство интересов государства расценивалось в общественном мнении как самое преступное и презренное святотатство. Впрочем, в древнем мире один человек не мог поставить себя вне общества как существо, имеющее отдельную жизнь, независимую от какой-либо политической и социальной общности. Собственно, человек еще не существовал или существовал лишь как предмет философских размышлений; на самом деле он был лишь гражданин, и каждый гражданин вкладывал всю свою душу или даже обретал свою душу, принцип своего индивидуального существования, лишь в пределах этой национальной организованной и ограниченной общности, которая называлась государством. Коррупция и предательство в этот золотой век политики были, несомненно, исключительно трудны и редки.

Христианство дало человеку индивидуальную душу, независимую от государства и даже от общества. Оно, бесспорно, заронило в его душу семена эгоизма, освященного и узаконенного религией; а также мысль о вечном спасении каждого, наряду с уверенностью, что избранных слишком мало и, значит, огромное большинство его сограждан навеки осуждено гореть в геенне огненной. Этой доктриной христианство разрушило античную политическую солидарность; но разрушило лишь для того, чтобы создать новую: солидарность избранных или праведников, Церковь, т. е. духовную и небесную общность, а рикошетом и иную светскую общность новых государств, благословленных и освященных церковью. Так в средневековье возникли два мира, неразделимо связанные и в то же время противостоящие друг-другу: церковь и государство. Их глубокий антагонизм, развиваясь и углубляясь, медленно, но верно отрывал многие души то от одной, то от другой, а часто от обоих. Между этими мирами, поглощенными вечной борьбой друг с другом, с естественной необходимостью появилась третья категория общностей - более ограниченных, а потому теснее сплоченных и крепче связанных: классы и корпорации, отделенные от церкви и государства и тем не менее неотделимые от них и принимающие то одну, то другую сторону: дворянство чаще и охотнее примыкало к церкви, а буржуазия и рабочие корпорации - к государству. Что же касается народных масс (крестьян и крепостных), служащих опорой истории и всегда приносимых в жертву церкви и государству, то они всегда склонялись то туда, то сюда и принимали ту сторону, которая сулила им защиту, облегчение участи и спасение, никогда, впрочем, не выполняя своих обещаний.

В такой организации было мало места для индивидуализма, а значит, и условий для коррупции. Средневековье, в сущности, было сплошной гражданской войной, правда, организованной, но варварской и беспощадной к побежденным, а ничто так не укрепляет союз, ничто не способно так упрочить чувство сплоченности, доходящее до страсти, как

борьба. Да и сами интересы людей требовали такой солидарности: в разгар этой беспрестанной и беспощадной борьбы индивид мог спасти свою жизнь, лишь опираясь на ту общность, к которой он принадлежал. И наконец, религиозный дух, царивший тогда в Европе, придавал всем этим ассоциациям, как бы ни были преступны их замыслы, священный и мистический характер. Верность и честь считались религиозными добродетелями. По сравнению с нашей эпохой индивидуальный бунт и предательство были весьма редки. Совершаемые обычно под влиянием сильных чувств, они вызывали всеобщее порицание и почти всегда приводили либо к раскаянию, либо к ужасным наказаниям. Для бунта средневековому человеку, будь то даже король или император, нужно было проявить истинный героизм, настолько каждый был связан прочными узами солидарности, одновременно мистической, политической и социальной.

В конце средних веков, начиная со второй половины XV вплоть до первой половины XVII века, две категории людей, чтобы не сказать два класса, стали проявлять заметное стремление к индивидуальному раскрепощению, а именно к коррупции. Это были военные банды и политики. И те и другие возникли сначала и главным образом в Италии.

Собственно говоря, банды не были итальянскими. В большинстве своем они состояли из французов, испанцев и особенно немцев. Их привлекали в Италию как гражданские войны, так и войны между государствами, театром которых столь долго была эта прекрасная и несчастная страна. В сущности, это были банды грабителей, более или менее организованные и дисциплинированные, состоящие из людей многих национальностей, висельников, которых объединяли лишь узы порока, варварства, страсти к наживе людей без веры, без закона, предлагающих свои услуги тому, кто лучше заплатит, которых ничуть не заботит справедливость или несправедливость его действий - лишь бы хорошо платили. Большею частью эти банды состояли из людей сильных духом, насмехающихся над Богом и дьяволом, как и те политики, о которых я вскоре скажу. Это они прекрасно доказали в первой половине XVI века: когда их привел в Рим коннетабль Бурбона, генерал ревностного императора-католика и защитника религии Карла V, они безжалостно разорили эту святую столицу католического мира. Из них по большей части состояли императорские и баварские армии во время Тридцатилетней войны.

Позднее эти банды вошли в состав постоянных регулярных армий крупных государств и, естественно, привнесли всю свирепость и распутство, приобретенные ими на протяжении двухвековых занятий доходным и жестоким ремеслом грабителей, в большинство стран Европы. Но в регулярных армиях все эти блистательные качества не уничтожились, а энергично подавлялись железной дисциплиной, не менее жестокой и безжалостной, чем они сами, и могли служить лишь пользе государства. Именно так и возникла пресловутая добродетель самопожертвования солдата, столь превозносимая сегодня всеми любителями порядка как такового, будь то монархисты или республиканцы. Эта добродетель - не что иное, как презрение к правам человека или глупое пренебрежение ими, презрение ко всем человеческим симпатиям, а также свирепость, обычно присущая грабителям, которых железная дисциплина превращает в механический инструмент, слепо и беспрекословно повинующийся воле начальников. Об этом говорят неслыханные подвиги германских армий в несчастной Франции, описаниями которых заполнены в наши дни колонки всех газет и от которых продолжают надуваться спесью сердца доброй немецкой буржуазии, пока они не

обернутся против нее, что обязательно вскоре произойдет: ведь каждый из этих подвигов - преступление. Обманываются те, кто воображает, что наши современные регулярные армии ведут начало от рыцарства. Хотя это и не нравится германскому юнкерству, они не имеют с рыцарством ничего общего. Они происходят непосредственно от шаек вольных средневековых разбойников, убийц и грабителей и до сих пор сохранили всю их природу. Ибо в регулярных армиях самых цивилизованных государств вы всегда найдете слегка замаскированного старого разбойника, старого средневекового грабителя, несомненно, обузданного дисциплиной, но не менее жестокого и ожидающего лишь сигнала своего начальника, чтобы с радостью предаться своему ремеслу.

Повторяю, хотя военные банды и совершали свои подвиги в Италии, они были более испанскими и французскими, нежели итальянскими; и более немецкими, чем испанскими и французскими. Что до племени политиков, то, напротив, оно было исключительно итальянским. Наука и искусство современной политики происходят из Италии.

И в самом деле, Италия стала колыбелью современной цивилизации во всех отношениях, положительных и отрицательных. В то время как вся Европа, раздираемая жестокостью материальной силы и глупостью убаюкивающей веры, погружалась в болезненный в тяжелый сон, уже со второй половины XI века многие итальянские города - Венеция, Генуя, Флоренция, Милан, Павия и другие - были уже в полной мере республиками; особенно процветали две первые благодаря своей торговле и промышленности. Уже в XII веке они основали свою первую лигу против императора и папы. В XIII веке они заложили основы современного искусства. В XIV веке у них была великолепная литература: поэзия Данте и проза Боккаччио. Дух этой литературы, пронизательный, практический и смелый, обращенный против религии и господства церкви, можно сравнить лишь с Вольтером, появившимся на четыре века позже. В XV веке в Италии был ренессанс греческой и латинской литературы, Христофор Колумб и первые философы-атеисты. И наконец, в XVI веке, веке Макиавелли, Италия поразила мир несравненной гениальностью своих великих художников, смелостью своих вольнодумцев и в то же время - своим глубоким упадком. Ибо именно в эту эпоху она в конце концов пала под двойным деспотизмом папы и императора, на этот раз объединившихся против нее. Италия пала и утратила все свои свободы. В XVII веке, подобно заходящему солнцу, она бросила последний отблеск, как бы прощальный луч всему миру благодаря великому гению Галилея, истинного отца современных позитивных наук, устами которого она вынуждена была просить прощения у Римской инквизиции за то, что осмелилась сохранить свой бессмертный гений.

В течение пяти веков свободы и торгового, промышленного, художественного, литературного, философского и общественного процветания итальянские города развивали и испробовали все политические формы, начиная с кратковременной тирании ее маленьких деспотов, умных, но жестоких до народной демократии. На новой основе католицизма они возродили опыт городов античной Греции, что с необходимостью привело к новому искусству - искусству побеждать и сохранять власть всеми возможными способами и новой науке - науке о государстве, которую представляли профессиональные политики, поразившие мир своими дерзкими и жестокими преступлениями и глубокой изысканностью своего опыта и коррупции. В течение пяти веков в Италии шла ожесточенная борьба между классами, партиями и индивидами за захват государственной власти, что составляет на

деле единственный предмет, единственную серьезную заботу политики. Каждый маленький итальянский городок был как бы отдельным миром, представлявшим одну и ту же политическую драму с некоторыми присущими только ему локальными особенностями; каждый город был своеобразной академией, где индивиды и классы, так сказать, вынуждены были изучать на практике науку и искусство политики. Добавьте к этому соперничество и бесконечную борьбу городов между собой а на фоне всего этого усложнения и многообразия отношений - острую, постоянную борьбу даны в императора. Гвельфов и Гибеллинов. Все это должно было способствовать формированию политического характера итальянцев и в конечном счете сообщило ему тот отпечаток коварства и глубокой порочности, за который их так часто упрекали. Династии Сфорца, Борджиа и Медичи уже существовали и действовали, прежде чем Никколо Макиавелли, великий основоположник позитивистской политики, написал свои бессмертные труды.

Не Макиавелли изобрел вероломство, не переменное свойство всякой политики. Он его лишь констатировал, упорядочил и обобщил не в искусственной, а в совершенно естественной, свойственной самой логике вещей системе, которая стала предметом его учения. Он просто-напросто представил историю естественной, создал физиологическое описание такого общества, каким оно предстало его глазам, и вывел его основные принципы. Из самых глубин исторического прошлого и настоящего Италии он лучше, чем кто-либо до него и даже после него, сумел извлечь вечные законы политики.

Каков же, по Макиавелли, основной принцип политики? Он ужасов, но реален. Это преступление. Только с помощью преступления можно создать, укрепить и сохранить государственную власть: но с того момента, когда преступление начинает служить орудием государства, оно становится добродетелью. Таков великий принцип Макиавелли, таков и вечный принцип политической борьбы всех минувших, настоящих и грядущих государств.

Макиавелли был великим патриотом. Глубоко озабоченный упадком своей страны, он горячо жаждал ее освобождения и возрождения, выступая против папы и императора. Он не возлагал больших надежд на ее укрепление с помощью католицизма, как, например, Данте. За два века, прошедших со времени Данте, преступления пап, разложение церкви и священников привели к тому, что просвещенные классы и даже большая часть населения городов почти полностью утратили религиозную веру. Слишком большие бедствия причинил Италии Бог, олицетворяемый церковью. Макиавелли и его современники могли отныне рассчитывать лишь на человеческие средства, но там, где религия продолжала еще оказывать реальное воздействие на дух народа, можно было использовать и ее. Итак, религия умерла в сердцах самой просвещенной части итальянского народа, особенно в городах, - а известно, что и поныне итальянские государственные деятели смотрят на население деревень как на кариатиду или необходимую для своего существования дойную корову. Все политические и общественные институты, все классы и сообщества, созданные и долгое время вдохновлявшиеся католицизмом, неизбежно были вовлечены в общий процесс гибели Отчизны, и никто из них уже не смог стать опорой ее обновления. Но с той поры, как жизненные силы нации, ее организованная социальная реальность не могли больше быть естественной базой возрождения Италии как государства, возникла потребность создать нечто новое, стоящее вне жизни нации и свободы народа; создать при помощи политики истинно патриотической по своим целям, но глубоко коварной по

средствам, которые, казалось, только и могли отныне привести к достижению этих целей. Необходимо было возродить Италию посредством насилия и лжи, целой серии дерзких, ловко рассчитанных заранее преступлений.

Такова мысль книги «Государь». Впрочем, Макиавелли был не более монархистом, чем республиканцем. Прежде всего он был итальянцем. В сущности, по своему темпераменту в образе жизни он скорее склонялся даже к республиканской, чем монархической форме правления. Особенно он выступал за создание великого и сильного национального государства, монархического или республиканского; он был твердо убежден, что и монархия, и республика основаны на смелых в ловких интригах, направленных при монархии против так называемых народных партий, а при республике против откровенно реакционных партий, а особенно против тех, кто стремился к престолу, - но и в том, и в другом случае это вело к обману и порабощению народных масс. К тому же, придерживаясь позитивистских взглядов и будучи одним из самых просвещенных людей своей эпохи, Макиавелли прекрасно видел, что общий ход истории в его время определенно ведет к созданию крупных монархий; он понимал также, что существование сильного и в значительной степени централизованного государства несовместимо с республиканскими формами правления[2]. Он стал монархистом не по своему чувству, которое оставалось глубоко республиканским, а благодаря разуму, подкрепленному глубоким знанием итальянской действительности, который доказывал, что спасение его несчастной родины, находящейся под двойным гнетом, светским и духовным, императора и папы, - лишь в искусственном создании монархической державы, основанной не на политике активного и дружеского сотрудничества с итальянским народом, а на его политическом, социальном и духовном уничтожении. Макиавелли с великолепной проницательностью угадал и предсказал в своей книге основной принцип современной государственной власти, установившейся на обломках средневековья после религиозных войн на всем европейском континенте, кроме Нидерландов и Швейцарии, начиная со второй половины века. Этот принцип - не что иное, как принцип искусственной и главным образом механической силы, опирающейся на тщательно разработанную, научную эксплуатацию богатств и жизненных ресурсов нации и организованной так, чтобы держать ее в абсолютном повиновении. Этот принцип выносит смертный приговор всем национальным структурам и содержит явное или скрытое порабощение народов и торжество абсолютной централизованной власти: военной, бюрократической, полицейской, финансовой. Сама эта власть стала объектом чего-то вроде религиозного культа. Именно этот строй, под тройным, в равной степени губительным влиянием татар, Византии и цивилизации, официально вывезенной из Германии, укрепился в германо-восточной части Российской империи; именно этот строй, начиная с Вестфальского мира, основанный во Франции политическими авантюристами, приехавшими сюда из Италии в свите Екатерины и Марии Медичи, и расширенный гением Ришелье, окончательно установился при Людовике XIV. Строй этот пережил многие революции, которые не ослабляли, а, напротив, еще больше укрепляли его, в течение двух веков поддерживая славу и мощь Франции. В конце концов строй стал приходить в упадок и, деморализуя Францию своими постоянными победами, вверг страну в ужасное состояние, в котором она и пребывает поныне. Из этого положения Францию может вывести только социальная революция, т. е., окончательное свержение этого строя, разрушение государства. В Германии этот строй был возведен на руинах старой Германской империи в результате победы протестантского движения: воздействие этой религиозной реформы,

имевшей освободительное значение и пробуждавшей повсюду в иных странах прогрессивные устремления, в этой стране почтительной субординации и иллюзорных идеалов имело единственный результат: оно полностью парализовало, до крайней мере на протяжении двух веков, развитие умов и окончательно утвердило религиозный культ светской власти, культ власти правителей и их чиновников. Реформация еще и сегодня продолжает выполнять в Германии ту же обязанность, которую восточное христианство с давних пор исполняло в России: обращать души, эгоистически занятые собственным спасением, к Богу, а тело и имущество каждого и всех вместе предавать абсолютному произволу государя[3]. Наконец, этот строй, опирающийся, с одной стороны, на военную жестокость дворян, низкопоклонство которых перед государем можно сравнить лишь с их глупым презрением ко всему, что в социальной иерархии находится ниже их, а с другой стороны, на рабский, страстный патриотизм буржуазии, терпеливой и послушной до конца жизни - создается теперь во второй Германской империи - прусско-германской империи, основанной на страхе перед Богом и уважении власти и всех вышестоящих.

Тому, кто хочет мыслить серьезно и непредвзято и основывать свои политические выводы лишь на реальных событиях, взаимоотношениях государства и классов, должно быть ясно: сегодня и в Европе, и в Америке остаются только два течения, два реальных направления: одно ведет цивилизованный мир к созданию крупных государств, огромных и чудовищных политических, деспотических, технических, военных и бюрократических объединений, основанных на окончательном подавлении, чтобы не сказать полном рабстве, трудовых масс для процветания имущих и господствующих классов, в свою очередь подчиненных всемогущему государству. Другое направление ведет пролетариат всех стран к полному его освобождению от государственной власти и позволяет предвидеть в недалеком будущем организацию нового международного типа, основанную на свободе и на принципах социального и экономического равенства. Все, что происходит между этими фатально противоположными направлениями, отныне лишено права на существование и средств к существованию - лишь дым и призрак.

У меня нет сомнений, что народное движение. результат самой логики истории и естественных потребностей человеческой природы, к шире концов должно восторжествовать. Но я все более убеждаюсь, что окончательного торжества человечества над жестокостью можно добиться лишь ценой ужасной борьбы и огромных жертв.

Если не игнорировать и не отрицать историю, господин Карл Маркс должен признать, что народ, а точнее русские народы,- ибо существуют по крайней мере два основных народа - народы Великороссии и Малороссии, говорящие на двух языках и имеющие во многих отношениях две разные истории,- что эти народы. повторяю, ни в коей мере не способствовали возвышению той империи, которая народилась и стала развиваться в Москве под владычеством и жестоким влиянием татар. И эта империя немного выиграла в человеческом плане, получив позднее Византийское благословение...

Примечания

[1] Франц. «corruption» можно переводить и как «разложение», «развращение», «подкуп». (Ред.)

[2] Для доказательства совместимости сильной государственной власти и свободы граждан приверженцы чисто политической республики приводят в пример Соединенные Штаты Америки или Великобританию. Но они всегда забывают, что основой Северной Америки были не государства, а штаты. Бесспорно, в наши дни, особенно с последней войны. Соединенные Штаты Америки стремятся к концентрации и большему единению, к созданию сильного, единого и неделимого государства. Это результат большой политической победы, ибо политика непременно всегда и повсюду имеет единственную главную цель: создание сильной власти, способной подавить человеческую справедливость и свободу. Если бы это стремление американцев Севера к политической централизации увенчалось успехом, было бы покончено и с их свободой, и с их республиканской формой правления. Это, несомненно, произошло бы благодаря тому естественному импульсу, который роковым образом, подталкивает все формы политической демократии, основанные на неравенстве социальных условий и ни наемном труде народных масс, к превращению, рано или поздно, сначала в военную диктатуру, более или менее прикрытую республиканскими формами правления, а затем в монархию, также прикрытую разными конституционными формами. И лишь набирающее в последние годы силу в Америке, как и в Европе, мощное социалистическое движение, стремящееся заменить политическое правление сверху экономической и социальной организацией снизу, - лишь оно внушает надежду, что все попытки создать мощную политическую централизованную организацию потерпят крах перед проявлением уже не столь слепой, хотя и не вполне еще осознанной воли народных масс...

[3] В письме, направленном несколько месяцев тому назад в редакцию небольшой газеты г. Женева, издававшейся на русском языке, признанный глава немецких коммунистов г. Карл Маркс изложил исторический софизм, весьма меня удививший, ибо он исходил от столь образованного и интеллигентного человека. Карл Маркс утверждает, что если в Германии до сих пор существует абсолютная власть государей. то это следует объяснять в основном роковым влиянием России. Он странным образом недооценивает историю своей собственной страны, выдвигая то, что явно противоречит опыту всех времен и всех стран. Видано ли когда-нибудь, чтобы нация, стоящая на более низкой ступени цивилизации навязывала и передавала свои собственные принципы несравненно более развитой стране иначе как путем завоевания? Но Германия, насколько мне известно, никогда не была завоевана Россией. Следовательно, совершенно невозможно, чтобы Германия могла принять какой либо русский принцип, но более чем вероятно, и даже несомненно, что в результате их непосредственного соседства и своего политического, промышленного, торгового, научного и социального превосходства Германия привнесла в Россию, что обычно признают и сами немцы. когда не без гордости говорят, что Россия обязана Германии той частицей цивилизованности, которой она обладает. И действительно: в политическом и административном, военном и бюрократическом отношении созданием нашего имперского строя мы обязаны Германии. Кроме того, мы обязаны ей нашей дорогой царствующей династией, чисто немецкой по крови.

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2025 01:17:58